
ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ШВЕЙЦАРСКИ МАРКИРОВАННЫХ НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦ

А.А. Подкин

Кафедра немецкого языкознания
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
ГСП-1, Ленинские горы, Москва, Россия, 119991

В статье предпринимается попытка описания наиболее существенных особенностей функционирования швейцарски отмеченных наименований лиц в текстах художественного и публицистического характера и выявления их наиболее значимых стилистических характеристик. В работе указываются причины, обуславливающие функциональные особенности швейцарски маркированной лексики в целом и наименований лиц в частности.

Ключевые слова: швейцарский вариант немецкого литературного языка, наименования лиц, словообразование, пейоративный, диминутивный, швейцарско-немецкий диалект, гельвецизм.

В настоящее время в отечественном и зарубежном языкознании наблюдается повышенный интерес к национальным вариантам немецкого литературного языка. Внимание исследователей сосредоточено на выявлении релевантных признаков, определяющих своеобразие языка, на котором разговаривают представители нескольких наций. Немалый интерес вызывает изучение самобытности немецкого языка Швейцарии, для которого свойственна уникальная лингвистическая ситуация, связанная с особым характером взаимодействия и взаимопроникновения швейцарского варианта немецкого литературного языка и швейцарско-немецкого диалекта, представляющего собой совокупность многочисленных поддиалектов. Условия диглоссии, расширенная сфера использования *Schwyzertütsch*, с одной стороны, функциональная ограниченность немецкого литературного языка *Schweizerhochdeutsch*, с другой, а также обусловленное этим интенсивное проникновение диалектной лексики в литературный язык определяют особенности швейцарского варианта.

В работах отечественных и зарубежных исследователей, посвященных общей характеристике и описанию различительных языковых черт швейцарского варианта немецкого литературного языка, приводятся данные об отдельных группах швейцарски маркированной лексики, однако эти данные носят фрагментарный характер [2; 10; 15; 18; 25; 27]. Швейцарски отмеченные наименования лиц, т.е. единицы, обладающие дифференциальными признаками в сопоставлении с собственно немецким и австрийским вариантом хотя бы на одном из уровней языковой структуры, не становились еще объектом специального исследования в свете активно разрабатываемой в современной лингвистике теории полинациональных языков. В частности, малоизученным остается то, каким образом особенности географического положения Швейцарии, ее исторического и культурного развития, государственного устройства и особенности языковой ситуации находят свое отражение в данной группе слов на семантическом, словообразовательном и функционально-стилистическом уровнях языковой системы.

Актуальность исследования определяется важностью изучения функциональных и стилистических особенностей швейцарски маркированных наименований лиц как наиболее древнего и активно пополняемого пласта лексики современного немецкого языка. Именно в сфере наименований лиц находят отражение основные тенденции развития немецкого языка в пределах германо-швейцарского узуса. Выявление и анализ их функционально-стилистических особенностей является неотъемлемой частью адекватного описания релевантных черт и национального своеобразия швейцарского варианта немецкого литературного языка, что и стало целью настоящего исследования.

А.И. Домашнев определяет национальный вариант как «форму адаптации единого литературного языка к условиям, потребностям и традициям носителей данного языка» и указывает на то, что национальный вариант — это «явление не только языковое, но и языково-социологическое» [1. С. 39] и для выделения этого понятия необходимы факторы не только лингвистические, но и экстралингвистические. При описании своеобразия швейцарски маркированных единиц, и прежде всего наименований лиц, необходимо учитывать как языковые, так и внеязыковые факторы, определяющие специфику швейцарского варианта в целом и рассматриваемой группы слов в частности.

Немаловажным оказывается также то, что швейцарски маркированные наименования лиц, содержащие в структуре своего значения эмоционально-оценочные характеристики, говорят о том, какие черты характера человека, а также его действия получают осуждение или, напротив, одобрение со стороны германо-швейцарцев. Этот аспект оказывается особенно важным при описании языковой картины мира швейцарского варианта немецкого литературного языка.

В силу того, что функционирование швейцарского варианта немецкого литературного языка в значительной степени ограничено сферой официального общения и письма, а также из-за территориальной изолированности Швейцарии от других центров распространения немецкого языка *Schweizerhochdeutsch* обнаруживает ряд специфических черт не только лексико-семантического, но и функционально-стилистического характера. Его стилистическое своеобразие определяется в первую очередь активным использованием лексических единиц, которые в современном немецком языке Германии или Австрии перешли в разряд лексических или семантических архаизмов: это объясняется тем, что в сфере официального общения и в письменной речи существует тенденция к сохранению устаревшей и устаревающей лексики.

Следует отметить, что многие устаревшие слова не воспринимаются германошвейцарцами как стилистически маркированные. В произведениях швейцарских авторов, пишущих на немецком языке, а также в средствах массовой информации довольно часто встречаются слова, которые в словарях немецкого языка имеют пометы «устаревшее», «устаревающее», «поэтическое», «возвышенное» или «официальное». Швейцарские авторы далеко не всегда прибегают к использованию архаизмов для достижения стилистического эффекта или воссоздания исторического колорита.

Что касается швейцарски маркированных наименований лиц, то здесь среди стилистически отмеченных единиц преобладают слова, имеющие в двух других национальных вариантах немецкого литературного языка статус лексических архаизмов. Так, отглагольное существительное *Konsulent* продолжает активно использоваться в Швейцарии и Австрии в значении «(профессиональный) консультант фирмы или ведомства». Значение «(правовой) консультант», в котором данное слово было ранее употребительно в Германии, является в настоящий момент устаревшим [7]. В собственно немецком варианте данное существительное используется преимущественно в историческом контексте. В произведениях пишущих на немецком языке швейцарских авторов это слово можно встретить в текстах различных жанров:

«...Jeder **Konsulent** arbeitet auf eigene Rechnung und nutzt die oft minimale gemeinsame Infrastruktur» [21. S. 74].

В немецком и австрийском вариантах практически вышло из употребления отглагольное существительное латинского происхождения *Postulant* (от лат. *postulans* — требующий), имевшее значение «претендент, кандидат; лицо, проходящее испытательный срок, испытуемый (о вступающем в орден)». В швейцарском варианте данное существительное продолжает функционировать в терминологическом значении как обозначение лица, подающего требование [7]:

«In Wirklichkeit teilen sich **Postulant** und Rat in das Erkennen der Varianten, indem der **Postulant** seine Erkenntnis vorlegt und der Rat diese Erkenntnis zu seiner eigenen macht und mit seiner Genehmigung weitergibt» [17. S. 106].

Внимания заслуживает также существительное *Gemeindeschreiber*, которое полностью вышло из употребления в современном языке Германии, но продолжает активно использоваться в швейцарском варианте для обозначения должности секретаря и государственного служащего в органах местного самоуправления [7]:

«Der **Gemeindeschreiber** führt das Protokoll. Die Mitglieder des Wahlbüros werden vom Volk an der Urne oder vom Grossen Gemeinderat gewählt und sind somit demokratisch besonders legitimiert» [23. S. 170].

Схожая ситуация наблюдается с отглагольным существительным *Verweser*, которое ранее использовалось в немецком языке Германии и Австрии в значении «заместитель кого-либо на какой-либо должности или исполняющий обязанности главы региона». В швейцарском варианте существительное *Verweser* продолжает функционировать преимущественно в историческом контексте в значении «исполняющий обязанности священника реформатской церкви или учителя» [7]. В данном случае мы можем наблюдать процесс изменения словарного состава, при котором в одном из национальных вариантов языка лексическая единица практически полностью вышла из употребления, тогда как в другом национальном варианте она продолжает функционировать для передачи исторического колорита с частичной дифференциацией значения.

«Schon als **Verweser** in Sternenbergratte hatte er Korruption und Elend bekämpft» [28. S. 216].

Наряду с лексическими архаизмами среди швейцарски маркированных наименований лиц присутствуют слова, отмеченные в немецком или австрийском национальных вариантах одним или несколькими устаревшими значениями и принадлежащие к числу семантических гельвецизмов. Так, существительное *Wachtmeister* в Австрии и Швейцарии используется для обозначения лица в звании младшего офицера на военной службе. В Германии данное значение является в настоящее время устаревшим. В Швейцарии и Германии существительное *Wachtmeister* употребляется также для обозначения унтер-офицера полиции [7].

Следует отметить, что лексические единицы, активно функционирующие в собственно немецком варианте, которые бы воспринимались германошвейцарцами как устаревшие, встречаются крайне редко. Судить о функционально-стилистическом статусе таких единиц достаточно сложно, поскольку расхождения данного типа немецкими словарями, как правило, не фиксируются.

С функционально-стилистической точки зрения среди всех средств образования наименований лиц наибольший интерес представляет диминутивный ареальный (алеманнский) суффикс *-li*. А.И. Домашнев отмечает: «...подобно тому, как в австрийском языковом ареале образования с диминутивным *-erl* составляют национальную черту процесса словообразования, лексические единицы с алеманнским *-li* идентифицируются в качестве германошвейцарских лексических единиц немецкого языка» [2. С. 163]. Ш. Кайзер, исследуя вопрос употребительности диминутивных форм существительных в литературной речи германошвейцарцев, обращает внимание на то, что подобные словоформы наиболее часто встречаются среди названий продуктов питания, различных блюд, предметов быта, жилища, одежды [18]. Следует отметить, что данный суффикс достаточно широко представлен также в исследуемой группе слов.

Наименования лиц с суффиксами *-i* и *-li* характеризуется разнообразием значений и стилистической окраски. С помощью данных суффиксов помимо уменьшительности может выражаться ласкательность, симпатия, привязанность: *Knorzi* (карапуз), *Gspänli* (другок, подружка), *Schätzli* («золотце»), *Büebli* (мальчуган), *Fraueli* (тетушка).

«Also er ist sicher nicht der, den die Kinder auch auswählen würden, wenn sie ein ‘Gspänli’ oder einen Partner auswählen dürfen» [22. S. 150].

Диминутивные суффиксы *-i* и *-li* могут сообщать слову фамильярный или иронический, пренебрежительный оттенок: *Galöri*, *Laferi*, *Löli*, *Lappi* (дурак, болван, идиот), *Schlufi* (безалаберный человек; неряшливый, небрежный, неаккуратный человек, грязнуля), *Stürmi* (горячая голова, вспыльчивый человек), *Schnörri* (попрошайка), *Bürogummi* («канцелярская крыса») [7; 24], *Jüdl* (*нпренебр.* еврей), *Döckerli* (*упон.* лекарь, врачеватель). Следует отметить, что многие существительные категории *nomina agentis* с диминутивным суффиксом *-i* образованы от диалектных глаголов (*knorzen*, *lafern*, *lollen*, *lappen*, *schluffen*, *schnorren*), что объясняется характерным для швейцарского варианта процессом проникновения диалектной лексики в литературный язык.

«Das kam daher, weil sie nur den Schönsten und Klügsten wollte. Ein schlichter, ehrlicher Mann war ein **Lappi**, und daher kam es, dass sie keinen Mann bekam. Nur den Schönsten und Klügsten wollte sie. Jeder andere war ein **Lappi**» [11. S. 412].

«Mein Vater war noch nicht einmal Prokurist, als er starb, sondern schlicht und einfach commis de bureau. **Bürogummi** eben» [20. S. 45].

Особого внимания заслуживают швейцарски маркированные единицы, выражающие негативное или ироническое отношение к называемому лицу. Обычно в словарях такие слова имеют пометы «abwertend, salopp, umgangssprachlich» или «scherzhaft». Их функционирование ограничено рамками определенного стиля или речевой ситуации, поскольку выражаемая ими стилистическая оценка вполне четко указывает на сферу их использования. Большинство из этих слов являются пейоративами: *Sesselreiter* (чиновник), *Rappenspalter* (скряга, жадина; *Rappen* — мелкая швейцарская монета, сантим), *Schnaufer* (невежа, грубиян), *Stürmi* (горячая голова), *Tüpflicheisser* (слишком пунктуальный человек, педант; от *Tupf* — точка, крапинка, пятнышко; употребляется также в форме *Tüpflichisser*), *Abreisser* (обманщик, мошенник; от *abreißen* — заниматься мошенничеством), *Abzocker* (жулик, шулер, обманщик; от *abzocken* — обманывать, жульничать), *Schleckmaul* (сладкоежка) [7; 24].

«Er gibt sich immer jovial, das stimmt, aber wenn es um sein Geld geht, ist er keinen Deut besser als sein Bruder, dieser Rappenspalter» [19. S. 109].

«Sein Chef hält ihn für einen „**Tüpflichisser**“, einen „Umstandskrämer“, jedenfalls hinter vorgehaltener Hand. Zweifel, obwohl fast unsichtbar, ist ein Verunsicherer» [12. S. 235].

Наиболее активное участие в образовании швейцарски маркированных пейоративов принимают суффиксы *-i*, *-li*, *-ler*, *-ling*. Так, в швейцарском варианте немецкого литературного языка суффикс действующего лица *-(e)ler* у существительных мужского рода связан с коннотацией порицания, неодобрения: *Schnäpser* — тот, кто пьет слишком много шнапса, *Möst(e)ler* — тот, кто пьет слишком много молодого вина, *Drög(e)ler* — наркоман, *Stünd(e)ler* — сектант [7; 24]. Следует отметить, что многие отглагольные существительные с суффиксом *-ler* имеют диалектное происхождение, но в силу своей ярко выраженной эмоционально-стилистической окраски часто употребляются в Schweizerhochdeutsch.

Суффикс *-ling*, как и суффикс *-ler*, развился из производных слов на *-ing*, основа которых заканчивалась на *-l* (свн. *ediling* — «*Edelmann*» от *edili* «человек благородного происхождения»). В отличие от суффикса *-ler*, сохраняющего в современном немецком языке высокую продуктивность, суффикс *-ling* перешел в разряд непродуктивных словообразовательных средств [16. S. 155]. Среди швейцарски маркированных имен деятеля суффикс *-ling* присутствует в структуре существительных *Serbling* (болезненный, хилый, слабый человек), образованного от глагола *serbeln* со значением «прихварывать, хиреть; увядать, чахнуть» [24] и *Schlötterling* (собственно нем. *Schlot* — верзила, невежа, хам), относящегося к категории бранной лексики (используется также в диалектной форме *Schlötterlig*) [7]. Особенность суффикса *-ling* состоит в том, что он, как и алеманнский суф-

фикс *-li*, выполняет важную стилистическую функцию, выступая в качестве средства образования единиц с ярко выраженным уменьшительно-ласкательным значением или пейоративов:

«Der Wunsch, der Himmel möchte den kleinen **Serbling** zu sich nehmen, keimt in ihm...» [33. S. 104].

Среди швейцарски маркированных наименований лиц представлено большое количество стилистически отмеченных слов, содержащих в своей структуре словообразовательный формант *-el*, который с точки зрения современного языка утратил статус словообразовательного средства, «besitzt keine lebendige Kraft» [26. S. 202]. Нововерхненемецкий суффикс *-el* развился из нескольких различных суффиксов: из древневерхненемецкого суффикса *-il*, образывавшего *nomina agentis* (*tregil* — *Träger*, *biril* — *Bewerber*); из древневерхненемецкого суффикса *-ilo* (*ezzilo*, *hunilo*); из глаголов на *-eln* (*Hechel*) [26. S. 201—202]. А.Ф. Мюллер отмечает, что в швейцарско-немецких диалектах сохранилось множество пейоративов на *-el*, часть которых может использоваться в немецком литературном языке Швейцарии. Функционирующие в современном немецком языке образования на *-el* обозначают преимущественно «неловких, глупых, безалаберных, а также надоедливых и скрытных людей» [26. S. 202]. Негативное значение выражается, как правило, самой корневой морфемой, суффикс при этом служит в качестве средства уточнения и передачи чувств, «als Verdeutlichungsmittel und als Träger des Gefühls» [26. S. 202]. Среди швейцарски маркированных наименований лиц словообразовательный формант *-el* представлен в структуре слов, занимающих промежуточное положение между *Schwyzertütsch* и немецким литературным языком Швейцарии: *Tubel*, *Tschumpel*, *Fötzel* (дурак, идиот, болван), *Schnösel* (наглый, заносчивый молодой человек), *Sprengel* (слабый, ранимый, хрупкий человек), *Rotzbengel* (невоспитанный, наглый ребенок, «сопляк») [7; 24].

«Und jetzt, wie sie verlumpt waren, wie wurden sie behandelt? Wie die letzten **Fötzel**» [13. S. 158].

Следует отметить, что среди швейцарски маркированных имен деятеля имеется большое количество слов с неполнозначными основами *-mann*, *-frau*, *-tochter*, *-mädchen*, *-maul*, *-specht*, *-nase*, *-kopf*. Многие из них являются словами-пейоративами, выражающими негативное или ироническое отношение к называемому лицу:

«Wahrscheinlich hatte er, als sein Blick sich in der Auslage verding, einfach nicht widerstehen können, hatte sich, seiner Tochter und seiner Frau eine kleine Süßigkeit kaufen müssen. Das **Schleckmaul!**» [32. S. 30].

«**Hängemann** ist letzten Endes immer der Kinobesitzer, der zwar mit mehr oder weniger gut gezielter Reklame sein Publikum herbeilocken kann...» [36. S. 140].

С функционально-стилистической точки зрения в швейцарском варианте современного литературного языка особый интерес представляет лексика, имеющая ярко выраженное диалектное происхождение. Как отмечает Н.Г. Помазан, «цитатным включением диалектного материала в речевую ткань автор стремится под-

черкнуть локальную достоверность описываемых в романе событий» [3. С. 132]. Практически каждый швейцарец при использовании немецкого литературного языка идентифицирует себя с носителями швейцарско-немецкого диалекта благодаря включению в литературный язык диалектных элементов. Это состояние напряженности «Spannung» (термин В. Шенкера) [30] между диалектом и литературным языком воспринимается швейцарскими писателями «как постоянный творческий импульс, стимулирующий достижение художественных эффектов» [4. С. 46]. Н.И. Филичева выделяет три основные стилистические функции диалектизмов: это создание местного (локального), социального или временного колорита [5. С. 35]. Все эти функции могут переплетаться, придавая естественность реалистически отображаемой в художественном произведении языковой ситуации в определенной местности и в определенный период времени [29. С. 73]. Включение швейцарски отмеченных единиц в текст художественного произведения происходит не только осознанно, но оно также является, по признанию германо-швейцарских авторов, произвольным и неизбежным, поскольку швейцарский автор, как любой другой носитель алеманнского диалекта, вынужден постоянно переключаться с диалекта на литературный язык [8].

Постоянно реализуясь в форме устной спонтанной речи, диалект по сравнению с литературным языком характеризуется большей эмоциональностью. Преобладание эмоциональных моментов приводит к развитию в диалекте богатого пласта эмоционально окрашенной лексики и запаса оценочных словообразовательных средств. При этом количество пейоративных образований существенно превышает количество мелиоративных. Таким образом, среди коннотативно-стилистически маркированных наименований лиц преобладают единицы с отрицательной оценкой. Это связано также с тем, что все морально-этические, эстетические, социальные нормы основываются на положительной оценочности, которая не всегда фиксируется в языке. Отклонения от нормы привлекают повышенное внимание, часто подвергаются порицанию и критике. Как отмечает Н.И. Филичева, «гнев, ярость, насмешка, боль находят свое отражение в словарном составе и фразеологии и способствуют появлению все новых лексем и фразеологических единиц» [6. С. 84].

Использование диалектно окрашенных наименований лиц, обладающих высокой эмоционально-оценочной нагрузкой, позволяет достичь большей экспрессивности изображаемого, дать более полное представление о характере персонажа. Примером такого рода может послужить швейцарски маркированное существительное *Cheib* (негодяй, мерзавец) [7; 24], представляющее собой переходный случай от диалекта к литературному языку:

«— Ja, ja. Tue nur so! Du heimlichfeister **Cheib**. Gestern warst du doch auch dabei, oder etwa nicht? Die Leute hetzest du auf, genau! Aber warte nur, genug ist genug!» [33. С. 150].

Явно диалектное происхождение обнаруживает также слово *Büezer* («работяга»), образованное от существительного *Büez* (тяжелая, непосильная работа) [7]. Швейцарский писатель Вальтер Кауер в своем романе «Schachteltraum» неоднократно прибегает к использованию диалектизмов и лексики, занимающей

промежуточное положение между диалектом и литературным языком, для передачи национального колорита и для придания большей экспрессии описываемым в романе событиям. Следует отметить, что автор употребляет диалектизмы также для того, чтобы подчеркнуть диалектную окрашенность речи героев романа.

«Da habe er nichts gesagt, meinte Vater. Er sei davon überzeugt, dass **Büezer** und Bauren zusammen gschirren könnten» [20. S. 109].

«Schorsch!» kam es schneidend vom jungen König. «Willst du dich wohl sofort beim Herrn Major für das Geld bedanken, du **Schnuderbueb**! Oder soll ich dich zuerst bei den Ohren nehmen?» [20. S. 185].

«Du machst, was der Schorsch dir befiehlt, **Schnuderbueb**, elendiglicher! Sonst wollen wir doch sehen! Und so etwas soll nun hier Bauer werden...» [20. S. 273].

«Und was gilt er, der **Sprenzel**?» fragte König [20. S. 138].

«Dafür nannte der Vater seinerseits den Sohn einen verblendeten Dummkopf. Er sei schlicht ein **Löhl**!» [20. S. 208] (встречается также форма *Löli*).

«Mutter König befand diplomatisch, man müsse sich eben allmählich nach einer geeigneten Kronprinzessin umsehen. Selbiges Mittel habe schon manchem **Stürmi** geholfen» [20. S. 208].

«He, denk mir!» sagte der Bauer. «Wem sonst? Wüsste öppe nüt anderes. Hat schon meinem **Ätti** gehört. Und vordem dem **Grossätti**. Dem **Urgrossätti**. Was weiss ich noch, wem vor mir dieser Hof schon gehört hat?» [20. S. 108].

Поскольку Швейцария — это страна, где используются четыре языка, носители которых живут в непосредственной близости друг от друга и нередко владеют двумя-тремя из них, вполне закономерным оказывается тот факт, что швейцарский вариант обнаруживает большее количество заимствований, прежде всего из французского языка, чем собственно немецкий вариант. Таким образом, важным источником лексических гельвецизмов выступает не только Schwyzertütsch, но и романские языки Швейцарии. Так, от французского существительного *service* — услуга и французского глагола *monter*, соответствующего немецкому глаголу *montieren* — монтировать, происходит швейцарски маркированное имя деятеля *Servicemonteur* со значением «специалист по ремонту бытовой техники» [7].

«Ein kleiner Bub, der inzwischen zwar ziemlich alt geworden ist, aber immer noch wie damals neben dem **Servicemonteur** steht, der gekommen ist, um die Waschmaschine zu reparieren» [9. S. 784].

Третьим по продуктивности источником лексических гельвецизмов является английский язык. Это можно объяснить характерной в целом для немецкого языка тенденцией к проникновению большого количества англо-американских заимствований. Поскольку не только в профессиональной деятельности, но и в повседневном общении многие швейцарцы вынуждены прибегать к использованию английского языка, швейцарский вариант обнаруживает большое количество англо-американизмов. Особенность швейцарского варианта состоит в том, что процесс заимствования имеет ряд специфических черт, не характерных для собственно немецкого варианта. Так, явную фонетическую связь с английским существ-

вительным *snow* обнаруживает закрепившееся в швейцарском варианте существительное *Snöber* со значением «сноубордист», образованное от глагола *snöben* — кататься на сноуборде [7].

«Die **Snöber** (Snowboarder) finden ihr Eldorado am Crap Sogn Gion in der „Alpenarena“ und am Davoser Jakobshorn» [13. S. 56].

Производным от английского глагола *shoot* (стрелять) является швейцарское существительное *Tschütteler* (*Schütteler*), обнаруживающее ярко выраженную фамильярно-разговорную окраску. Данное существительное используется для обозначения жестко, с нарушением правил играющего футболиста [7]:

«Ich habe jedenfalls sogar von ihnen geträumt, von diesen riesigen Erstaugust-abzeichen. Früher hatten die **Tschütteler** so ähnliche auf ihren Heldenbrüsten» [35. S. 14].

За отглагольным существительным английского происхождения *Skorer* (игрок, забивающий мяч; от глагола *skoren* — набирать очки, вести в счете) в швейцарском варианте закрепился адаптированный вариант написания через *-k-*, в то время как в собственно немецком варианте данное слово пишется преимущественно через *-c-* (*Scorer*).

Как показывают вышеприведенные примеры, многие англо-американские заимствования, в данном случае из области спорта, проникая в швейцарский вариант немецкого литературного языка, подвергаются значительной ассимиляции в соответствии с фонетической и орфографической системой языка-заимствователя.

Следует также отметить, что основы иноязычного происхождения способны принимать участие в образовании швейцарски маркированных сложных слов. Примером единиц такого типа может послужить швейцарский композит *Teamstütze*, содержащий в качестве первого компонента основу английского слова *team*. В существительном *Charcuterieverkäuferin* (продавщица в колбасной) в качестве первого компонента выступает основа французского существительного *charcuterie*, имеющего значение «колбасные или мясные изделия», а также «колбасная» [7].

«Meine ältere Schwester Mathilde absolvierte derzeit eine Lehre in Worb als **Charcuterieverkäuferin**» [31. S. 82].

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. Функционально-стилистическое своеобразие швейцарского варианта немецкого литературного языка в сфере наименований лиц определяется активным использованием лексических единиц, которые в современном немецком языке Германии или Австрии перешли в разряд лексических или семантических архаизмов.

2. В образовании швейцарски маркированных наименований лиц высокую продуктивность обнаруживает диминутивный алеманнский суффикс *-li*, характеризующийся множеством стилистически маркированных значений. С его помощью может выражаться уменьшительность, ласкательность, симпатия, привязанность, а также сообщаться фамильярное, ироническое или пренебрежительное отношение к называемому лицу.

3. В швейцарском варианте немецкого литературного языка представлено большое количество наименований лиц, имеющих в словарях пометы «abwertend, salopp, umgangssprachlich» или «scherzhaft». Весьма продуктивны в их образовании суффиксы *-i*, *-ler*, *-ling* и неполнозначные основы *-maul*, *-specht*, *-nase*, *-kopf*. Среди швейцарски маркированных наименований лиц имеется также немало стилистически отмеченных слов на *-el*, характерных для Schwyzertütsch и нередко употребляемых в немецком литературном языке Швейцарии.

4. Швейцарские авторы часто прибегают в своих произведениях к использованию диалектно окрашенных наименований лиц, многие из которых обладают высокой эмоционально-оценочной нагрузкой. Такой стилистический прием позволяет передать локальный, социальный или временной колорит, а также достичь большей экспрессивности изображаемого и дать более реалистичное представление об образе описываемого лица.

5. Швейцарский вариант немецкого литературного языка обнаруживает три основных источника лексических гельвецизмов: швейцарско-немецкий диалект, национальные языки Швейцарии и английский язык. В образовании швейцарски маркированных наименований лиц принимают участие словообразовательные компоненты, происходящие из всех трех источников.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Домашнев А.И. О некоторых чертах национального варианта литературного языка (К характеристике национальных вариантов современного немецкого литературного языка) // Вопросы языкознания. — 1969. — № 2. — С. 39.
- [2] Домашнев А.И. Современный немецкий язык в его национальных вариантах. — Л., 1983. — С. 163.
- [3] Помазан Н.Г. О стилистическом использовании диалектизмов в современной швейцарской прозе // Стилистика художественной речи. — Л., 1975. — Вып. 2. — С. 132.
- [4] Помазан Н.Г. Лексико-словообразовательные диалектизмы в художественном тексте // Романо-германские языки и диалекты единого ареала. — Л., 1977. — С. 46.
- [5] Филичева Н.И. Диалектизмы как социально и ситуативно обусловленные признаки немецкой речи // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. — 1980. — № 2. — С. 35.
- [6] Филичева Н.И. Диалектология современного немецкого языка. — М., 1983. — С. 84.
- [7] Ammon U. Variantenwörterbuch des Deutschen: Die Standardsprache in Österreich, der Schweiz und Deutschland sowie in Liechtenstein, Luxemburg, Ostbelgien und Südtirol. — Berlin, 2004.
- [8] Baur G.W., Fluck H.-R. (Hg.). Warum im Dialekt? — Interviews mit zeitgenössischen Autoren. — Bern, 1976.
- [9] Bichsel P. Kolumnen, Kolumnen. — Frankfurt am Mein, 2005. — S. 784.
- [10] Braun P. Personenbezeichnungen. Der Mensch in der deutschen Sprache. — Tübingen, 1997.
- [11] Dieterich W. (Hg.). Gute Geschichten, böse Geschichten: Prosa des 20. Jahrhunderts. — München, 1965. — S. 412.
- [12] Döös H. Schadenfalle. — Norderstedt, 2004. — S. 235.
- [13] Dürrenmatt F. Durcheinandertal. — Zürich, 1989. — S. 158.
- [14] Eue J. Graubünden. — Ostfildern, 2002. — S. 56.
- [15] Fenske H. Schweizerische und österreichische Besonderheiten in deutschen Wörterbüchern. — Tübingen, 1973.

- [16] *Fleischer W.* Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. — Leipzig, 1976. — S. 155.
- [17] *Hug K.* Die Regierungsfunktion als Problem der Entscheidungsgewalt: Eine Studie zum schweizerischen Bundesverfassungsrecht. — Zürich, 1971. — S. 106.
- [18] *Kaiser S.* Die Besonderheiten der deutschen Schriftsprache in der Schweiz. — Mannheim, 1970. — Bd. 2. — S. 85—88.
- [19] *Karpf U.* Alles hat seine Stunde. — Bern, 1993. — S. 109.
- [20] *Kauer W.* Schachteltraum. — Berlin, 1974. — S. 45, 108, 109, 138, 185, 208, 273.
- [21] *Knobel P.* Public Relations-Agenturen führen: Für Auftraggeber und Agenturleiter. — Bremen, 2006. — S. 74.
- [22] *Kronig W.* Immigrantenkinder und schulische Selektion. — Bern, 2007. — S. 150.
- [23] *Maag B.* Urnenwahl von Behörden im Majorzsystem. — Norderstedt, 2004. — S. 170.
- [24] *Meyer K.* Wie sagt man in der Schweiz? Wörterbuch der schweizerischen Besonderheiten. — Mannheim, 1989.
- [25] *Moser H.* Neuere und neueste Zeit. Von den 80er Jahren des XIX. Jahrhunderts zur Gegenwart // Deutsche Wortgeschichte. — Berlin, 1959. — Bd. 2. — S. 529—645.
- [26] *Müller A.F.* Die Pejoration von Personenbezeichnungen durch Suffixe im Neuhochdeutschen. — Altdorf, 1953. — S. 201—202.
- [27] *Panizzolo P.* Die schweizerische Variante des Hochdeutschen. — Marburg, 1982.
- [28] *Pfister R.* Kirchengeschichte der Schweiz. — Zürich, 1985. — Bd. 3. — S. 216.
- [29] *Riesel E., Schendels E.* Deutsche Stilistik. — Moskau, 1975. — S. 73.
- [30] *Schenker W.* Die Sprache Max Frischs in der Spannung zwischen Mundart und Schriftsprache. — Berlin, 1969.
- [31] *Schwab V.* Erinnerungen vom Bucheggberg. — Norderstedt, 2004. — S. 82.
- [32] *Steinmann D.* Abgelichtet: Drei Erzählungen. — Norderstedt, 2001. — S. 30.
- [33] *Sterchi B.* Blösch. — Zürich, 1983. — S. 150.
- [34] *Werner G.* (Hg.). Dichter der neueren Schweiz. — Bern, 1963. — Bd. 1. — S. 104.
- [35] *Widmer U.* Auf, auf, ihr Hirten! Die Kuh haut ab! — Zürich, 1988. — S. 14.
- [36] *Witz F.* Ich wurde gelebt. — Frauenfeld, 1969. — S. 140.

FUNCTIONAL AND STYLISTIC FEATURES OF SWISS MARKED PERSONAL NOUNS

A.A. Podkin

Department of German Linguistics

Faculty of Philology

Lomonosov Moscow State University

Humanities 1, Leninskiye Gory, GSP-1, Moscow, Russia, 119991

The article intends to describe the most considerable functional features of Swiss marked personal nouns in fiction, social and political essays and to reveal their most substantial stylistic characteristics. The research shows the sources and factors causing functional features of Swiss marked vocabulary in general and of personal nouns in particular.

Key words: Swiss Standard German, personal nouns, word-formation, pejorative, diminutive, Swiss German, helvetism.